

Когда луна зависла в зените, створки ворот кондитерской медленно разошлись, и изнутри хлынул ослепительный, почти взрывной свет. Земля под ногами начала проседать на глазах, а сгусток света, казалось, не имеющий опоры, сиял так ярко, что даже звезды над головой меркли в сравнении с ним.

Гу Хуайчжан во все глаза смотрел, как его милая, уютная кондитерская превратилась в нечто подобное. Ощущение было такое же, как если бы он воочию увидел, как волк сбрасывает овечью шкуру.

Причем этот волк с головы до пят был пропитан духом безудержной роскоши.

Остатки дремоты у Гу Хуайчжана мгновенно улетучились, а Линь Чу, до этого пребывавший в вялом состоянии, тут же воспрянул духом.

— Пойдем!

— Нужно взглянуть!

Они произнесли это в один голос, проявив редкое единодушие. Гу Цзю, казалось, что-то смутило, но он лишь приоткрыл рот и промолчал. Интуиция подсказывала ему, что преобразившаяся лавка таит в себе опасность, но она не выглядела прямой угрозой, а раз он был уверен, что сможет защитить Гу Хуайчжана, то был готов потакать любым его прихотям.

Вероятно, он еще не осознавал, что им овладело чувство, лишённое всякой логики — чувство, которое можно было назвать только одним словом: баловство.

Тихая прежде кондитерская внезапно стала местом паломничества. Гости, прибывавшие со всех сторон, появлялись словно из ниоткуда. В воздухе кружили всевозможные флаеры и дирижабли, и Гу Хуайчжану на миг показалось, что он вернулся в современное общество.

Никто не обращал на них внимания, более того, никто не проявлял к ним ни малейшего интереса. Пришедшие, не глядя по сторонам, спешили к сияющим дверям. Они вежливо предъявляли администраторше пропуска самых разных видов, ожидая, позволят им войти или нет.

— Нам нужно достать такую штуку, — подытожил Гу Хуайчжан.

Раздобыть приглашение для Гу Цзю не составило труда. Спустя пару минут он вернулся с пригласительным билетом и двумя справками неизвестного происхождения. Гу Хуайчжан с невозмутимым видом подошел к дверям, протянул девушке приглашение и учтиво склонил голову.

Но та, даже не взглянув на бумагу, с улыбкой произнесла:

— Двое господ Гу и господин Линь, верно? Хозяин отдал строгий приказ: если увидите вас — непременно пропустить.

Гу Хуайчжан:

— ...А.

Гу Цзю:

— ...А. Но те люди, которых я вырубил...

Девушка улыбнулась:

— Ничего страшного. Невезение — тоже повод для отказа. Господину Гу не о чем беспокоиться.

Огромный световой экран накрыл их сверху, отрезая от внешнего мира. Со всех сторон раздался низкий, приятный голос:

— Добро пожаловать в Черную мастерскую.

Рядом с Гу Хуайчжаном возник официант в безупречной форме и поклонился, приглашая пройти. Юноша выглядел мило и мягко, улыбался робко, и Гу Хуайчжан невольно вспомнил Юрия, оставшегося дома. Официант проводил их в уютную ложу, выдал терминалы для ставок и принялся по правилам сканировать данные гостей.

С Гу Цзю вышла заминка.

Юноша чуть не стер руку Гу Цзю в кровь своим сканером, пытаясь считать информацию, а тот лишь хмурился, позволяя делать с собой что угодно. Когда Гу Хуайчжан увидел, как этот паренек, пугающе похожий на человека, которого он терпеть не мог, всю «лапает» его драгоценного раба, в нем вспыхнуло пламя негодования. Он бесцеремонно оттолкнул руку официанта и заявил:

— Отойди от моего друга, у тебя прибор сломался.

Разве можно считать данные раба, у которого нет вживленного чипа? Гу Хуайчжан просто искал повод придрататься. Линь Чу, скрестив руки на груди, приготовился к представлению, но сегодня Гу-младшему явно сопутствовала удача: прибор и правда погас. Официант принялся извиняться, и Гу Хуайчжан, не сбавляя оборотов, выставил его за дверь.

Линь Чу усмехнулся:

— Почему бы тебе просто не сказать, что это твой раб? Здесь нет прямого запрета на их посещение.

Гу Хуайчжан:

— Что ты понимаешь? Мой раб такой ценный, а вдруг они похитят меня, чтобы отобрать А-Цзю?

Линь Чу:

— ...Если похитят тебя, проще будет потребовать выкуп у господина.

Гу Хуайчжан закатил глаза:

— Возможно, отец вообще не станет платить.

...

Аукцион в Черной мастерской поражал воображение. Еще до начала гости в зале оживленно перешептывались, и непонятно было, что вызывает у них такой восторг. Здесь продавали не только оружие, но и всякую диковинку. Например, стартовый лот — скелет волка с Земли, ушедший с молотка за сто тысяч имперских кредитов.

— У жителей Империи явно нет проблем с деньгами, всеобщее процветание не за горами, — Гу Хуайчжан устало прикрыл глаза.

Линь Чу же, напротив, смотрел с неподдельным интересом. Сбросив маску холодности, он увлеченно наблюдал за происходящим:

— Посмотрите на эту черную штуковину, что это вообще такое! Ха-ха-ха, неужели тот парень готов получить сердечный приступ из-за того, что не купил шкуру салисского зверя? О, смотрите, это Вэйлай-1, он же явно подделка, а они еще кричат, что не обманывают!

Гу Хуайчжан мечтал написать у себя на лбу: Я его не знаю. Не выдержав, он прошипел:

— Присмотрись, там написано Модель!

Линь Чу:

— И они имеют наглость продавать модель так дорого? У таких древностей, как Вэйлай-1, даже винты давно сняты с производства!

Гу Цзю прочистил горло и негромко произнес:

— Если вы закончили спорить, взгляните на это.

Гу Хуайчжан с видом оскорбленного достоинства отвернулся, Линь Чу равнодушно пожал плечами, за секунду вернув себе холодный вид. Гу Цзю с досадой сказал:

— Защитный экран для корабля. Я проверил модель, для Разбивающего волны подойдет.

К этому моменту цена экрана достигла пяти миллионов — вдвое выше рыночной. Однако на границах Империи такие вещи были редкостью, и Гу Хуайчжан решительно нажал кнопку, предложив пять миллионов пятьсот тысяч.

Атмосфера в зале накалилась до предела. Аукционист, обезумев от азарта, орал:

— Пять миллионов пятьсот тысяч! Пять миллионов пятьсот тысяч, есть больше? Пять миллионов пятьсот тысяч раз! Пять миллионов пятьсот тысяч два! Пять миллионов пятьсот тысяч...

— Шесть миллионов, — раздался чистый, звонкий голос юноши, и на голографическом проекторе тут же высветилась эта заоблачная сумма.

Гу Хуайчжан никак не ожидал, что мало того, что придется переплачивать вдвое, так еще и кто-то решит с ним потягаться!

После того как тот человек назвал шесть миллионов, Гу Хуайчжан усмехнулся и ввел на терминале шесть миллионов одну тысячу.

Зал погрузился в тишину.

Не успел аукционист опомниться, как соперник снова отозвался:

— Шесть миллионов пятьсот тысяч.

Гу Хуайчжан тут же нажал: шесть миллионов пятьсот тысяч и одна монета.

Аукцион замер. Все были потрясены этим нелепым торгом.

За все время существования Черной мастерской такого еще не было.

На этом этапе стало ясно, что больше никто не будет бороться с Гу Хуайчжаном за экран — редкое зрелище, все были заняты наблюдением.

Юноша, вероятно, очень хотел перешеголять Гу Хуайчжана, но не мог позволить себе опуститься до такой мелочности, поэтому, скрепя сердце, набрал на терминале шесть миллионов шестьсот тысяч.

Гу Хуайчжан снова добавил одну монету.

Цена росла мучительно медленно, через несколько раундов даже аукционист потерял задор. Атмосфера, копившаяся всю первую половину вечера, окончательно улетучилась, здравый смысл вернулся к гостям, и продать что-то еще по баснословной цене стало непросто.

Однако когда за защитный экран предложили семь миллионов, толпа снова оживилась — видимо, не ожидали, что в мире еще существуют такие транжиры.

На самом деле Гу Хуайчжан уже не хотел покупать. Он собирался задержаться в Танстоне на какое-то время, а защитный экран — не такая уж дефицитная вещь, чтобы спешить. Тем не менее он выкрикнул цену в семь миллионов пятьсот тысяч, и когда соперник по рефлексу ответил семь миллионов пятьсот тысяч сто, Гу Хуайчжан выключил терминал.

Так сделка по защитному экрану состоялась по столь причудливой цене.

Прождав пол-ночи снаружи и промучившись здесь еще два часа, Гу Хуайчжан, несмотря на весь свой энтузиазм, не мог игнорировать суровую истину — он хотел спать.

— Пойдем обратно, — Гу Хуайчжан прикрыл рот рукой, подавляя зевоту. — Сегодня я нечаянно испортил атмосферу. Если хозяин не дурак, ничего стоящего дальше уже не будет.

Гу Цзю тут же встал, растолкал дремлющего Линь Чу, помог ему выключить терминал, и они приготовились уходить. В этот момент на сцену вынесли следующий лот, и аукционист произнес всего пять слов:

— Меха, десять миллионов.

<http://bllate.org/book/19839/1953443>